

ства, которое развивалось в сторону бесконтрольности исполнительной власти и минимальных полномочий власти законодательной. В том числе и в области градостроительного законодательства.

Однако не стоит выделять сложившуюся в Москве ситуацию в особую категорию на том основании, что Москва — это город-мегаполис. Хотя такое убеждение и имеет свои основания. Но наряду с ним есть и противоположные суждения: что самая бесправная власть и депутаты находятся как раз в мелких сельских муниципалитетах. Как говорится, что в лоб, что по лбу. Такая ситуация не связана с размерами города. Если граждане активны в какой-либо стране, то они активны и в крупных городах-мегаполисах, и в маленьких муниципальных образованиях. А если они пассивны и делегируют свои права исполнительной власти, то это тоже происходит везде.

Если говорить об общественных силах, способных противостоять натиску бюрократии и крупного бизнеса, то они есть. Но очевидно, что их деятельность носит локальный, крайне спорадический характер. Например, есть так называемый «Архнадзор», который пытается бороться за охрану архитектурных памятников и иногда себя действительно проявляет в этой области. Но эта организация не может работать по всем направлениям. В наибольшей степени к системной деятельности подобного рода приспособлены политические партии. У общественных же организаций нет таких возможностей. В Москве существуют и отдельные экологические организации, но они тоже до крайности слабы. Есть инициативные группы жителей, однако они, как правило, интересуются только территорией своего двора.

И на таком уровне сопротивление важно. Благодаря этому сопротивлению, в том числе и нашим усилиям, удалось сдержать волну точечных застроек, убрать некоторые градостроительные проекты из Генплана, такие как, например, строительство мусоросжигательных заводов.

Что касается интеллектуального класса Москвы, то **значительная часть московской интеллигенции напрямую зависит от мэрии** — руководители театров, музеев, университетов, бюджетных учреждений, связанных с культурой. А это довольно большой пласт интеллигенции. В этом смысле их поддержка мэрии носит неизбежный характер. Что же касается той части интеллигенции, которая не получает поддержки, то она представляет собой очень резкую оппозицию. В целом эта часть московской интеллигенции все-таки меньшинство. Протестное меньшинство. ■

Специально для РЖ

ГЕНЕРАЛЬНАЯ РЕПЕТИЦИЯ СМЕНЫ ГРАДОначальНИКА

ВЛАДИМИР ПАСТУХОВ — российский политолог, научный директор Института права и публичной политики
Специально для РЖ

Причины сегодняшнего всплеска «протестного движения» городских слоев против Лужкова прямо не связаны с его деятельностью здесь и сейчас. Лужков не делает сегодня ничего принципиально нового по сравнению с тем, что он делал три, пять или десять лет назад. Произошло другое: **так называемый «интеллектуальный класс», а, проще говоря, — наследники советской интеллигенции, почувствовали, что власть начинает давать «слабину», а значит, может отдать кого-то из своих.**

В России никогда не было гражданского общества. Его роль с незапамятных времен играет тесно связанная с властью «общественность». Общественность — это мягкое интеллектуальное подбрюшье русской власти. Она относится к власти с традиционным пietetом, но и власть внимательно прислушивается — как оно там внизу, «урчит»? За редким исключением, которое составляют несчастные революции, тон задают те представители интеллектуальной элиты, которые ближе всего расположены к властной бюрократии. Именно этот слой сегодня пришел в движение, и первым делом обрушился на Лужкова, почувствовав, что власть засомневалась.

Действительно, **внутри власти нашлись оппортунисты, которые, в свою очередь, почувствовав встречное движение «интеллектуальных кругов», стали при-**

мерять на себя кафтан московского градоначальника. Эти два процесса встретились и вошли в резонанс, в результате чего и возникла видимость «сопротивления» засилью московской бюрократии. На этом фоне руководство страны рано или поздно соблазнится идеей принести Лужкова в жертву «новым политическим настроениям», чтобы подтвердить свою приверженность некоему «новому курсу».

Имеет ли это движение хоть какое-то отношение к проблеме московского самоуправления? К сожалению, нет. Замена Лужкова не приведет к изменению баланса в отношениях между бюрократией и общественностью. Просто **на смену одним бюрократам придут другие.** Они могут быть прогрессивнее Лужкова, а могут быть и более реакционными, чем он. Но, скорее всего, в Москве все останется по-прежнему.

Однако смена московского руководства вдохновит, в общем-то, достаточно трусливый «интеллектуальный класс» на новые подвиги. По сути, федеральная власть, принимая сегодня непростое кадровое решение, должна ответить на один вопрос: **можно ли совершить революцию в одном отдельно взятом мегаполисе, или, начавшись в столице, революция неизбежно распространится на все страну?** А главное — готова ли она к этой революции и хочет ли ее по-настоящему? ■